

ОБ АВТОРЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПЕСНИ «ПОДГУЛЯЛА Я»

Сообщение А. Осокина

Член Южного общества М. И. Муравьев-Апостол, отвечая в Следственной комиссии по делу декабристов на вопросные пункты (от 10 апреля 1826 г.) о том, какие «возмутительные песни» распространялись им и его единомышленниками в пропагандистских целях, а также о том, «какие именно стихотворения и проза в сем же духе написаны были Рылеевым, Пушкиным и Дельвигом»¹, отметил, в числе других известных ему нелегальных произведений, следующие куплеты:

Подгуляла я.
Нужды нет, друзья,
Это с радости (bis).

Я, свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров (bis).

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов (bis)².

Эту «песню никак Баратынского» М. И. Муравьев-Апостол, судя по его признаниям, получил от приезжавшего к нему в деревню в октябре 1825 г. подпоручика М. П. Бестужева-Рюмина³.

М. В. Нечкина, характеризуя «реальное историческое значение» песни «Подгуляла я», очень убедительно отметила связь ее третьей строфы с известным проектом обращения «К русскому народу», которое, по решению вождей Тайного общества, должен был бы выпустить Сенат в день 14 декабря: «...восставшие войска на Сенатской площади должны были, по замыслам декабристов, принудить Сенат к изданию манифеста, так сказать, „развязать язык у сенаторов“. Этот текст отчетливо перекликается с потаенной народной песней о декабристах „Царя требуют в сенат“ и дает последней исторический комментарий»⁴.

Как и все прочие записи нелегальных стихов, сделанные М. И. Муравьевым-Апостолом в условиях тюремного заключения, по памяти, текст песни «Подгуляла я» в его передаче не может претендовать ни на точность, ни на полноту. Не внушает доверия и справка М. И. Муравьева-Апостола, что автор названной им песни якобы Е. А. Баратынский. Впрочем, Муравьев-Апостол и сам упомянул об этом на допросе в очень осторожной предположительной форме, явно опираясь лишь на какие-то сведения Бестужева-Рюмина, свидетеля в данном случае совсем не авторитетного, далекого от литературных кругов. С таким же малоубедительным

основанием современники Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина приписывали то Пушкину, то Баратынскому знаменитую сатирическую песню Рылеева «Ах, где те острова» или еще более распространенную эпиграмму неизвестного автора «Народ мы русский позабавим». Фамилией Баратынского эта эпиграмма подписана была, например, в копии, сделанной Е. А. Бестужевой для М. И. Семева⁵, а песня «Ах, где те острова» приписана была перу того же Баратынского в рукописном сборнике нелегальных произведений двадцатых годов, принадлежавшем П. П. Свиныну⁶.

Но не только формально, а и по самому существу своему гипотеза о принадлежности стихов «Подгуляла я» перу Баратынского не выдерживает никакой критики. Хорошо известно, что, несмотря на личную близость в 1823—1824 гг. с Рылеевым, Баратынский в своем свободолобии не шел дальше весьма умеренного и притом крайне абстрактного либерализма. Никогда и ничем он своего сочувствия деятельности Тайного общества не выражал, а потому и не мог быть автором произведения с такими конкретными боевыми революционными лозунгами, как песня «Подгуляла я». Нашему заключению ни в какой мере не противоречит сохранившееся в семье Баратынского предание о том, что он «в молодых летах», не будучи посвящен в тайны «существовавшего уже тогда политического общества, не разделяя его цели, со всем увлечением своих лет сочувствовал тому, что заключается великодушного, — как формулировал его сын, — в обширном, неопределенном и гибком значении слова „свобода“». «Вот несколько стихов, — отмечает этот же источник, — дошедших до нас, по воспоминанию, на эту тему, внушенных ему на одном из ужинов этой молодежи:

С неба чистая, золотистая
К нам слетела ты.
Все прекрасное, все опасное
Нам пропела ты»⁷.

Разумеется, политически совершенно бескровные, аллегорические строки этих стихов ничего общего не имеют с революционной песней, образцы которой созданы были Рылеевым и Бестужевым. Но, ничего общего не имея между собою ни в тематическом, ни, тем более, в идеологическом плане, строфы песни «Подгуляла я» несколько напоминали фрагмент Баратынского своим ритмико-метрическим строем, особенно при условии передачи этого четверостишия в виде двух трехстрочных строф:

С неба чистая,
Золотистая
К нам слетела ты.

Все прекрасное,
Все опасное
Нам пропела ты.

Опираясь на близость размера и куплетной формы песни «Подгуляла я» метрической структуре стихов «С неба чистая, золотистая», И. Н. Медведева во вступительной статье о Баратынском к Полному собранию его стихотворений, вышедшему в свет в 1936 г. в большой серии «Библиотеки поэта», выдвинула гипотезу о том, что дошедшие до нас строки экспромта «С неба чистая» и песни «Подгуляла я» являются разрозненными частями одного произведения, автором которого был Баратынский⁸. Это предположение, как весьма вероятное, отмечено было в 1951 г. и В. Н. Орловым в его антологии «Декабристы»⁹.

Можно ли, однако, на основании одних только ритмико-метрических соответствий ставить знак равенства между столь разнотипными

произведениями, как революционная песня «Подгуляла я» и камерными строфами аллегорического романса «С неба чистая, золотистая»? Разумеется, нет! Самое большее, на что уполномочивают факты, — это возможность знакомства создателей песни «Подгуляла я» с метрической структурой романса Баратынского.

Романс хотя и не был напечатан, но не мог остаться неизвестным литературным друзьям Баратынского — декабристам. Эта гипотеза тем более вероятна, что имитация образцов народной лирической и обрядовой песни, равно как и мотивов наиболее популярных стихотворных текстов конца XVIII и начала XIX в., входила в прямые задачи Рылеева и Бестужева как пропагандистов новых жанров массовой агитационной литературы.

Подобно тому как песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» имитировала известный романс Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне (на голос: „Девчина моя“)", так и песня «Подгуляла я» могла быть подражанием романсу «С неба чистая, золотистая». Но признать на этом основании Баратынского автором песни или участником в ее создании, разумеется, нельзя.

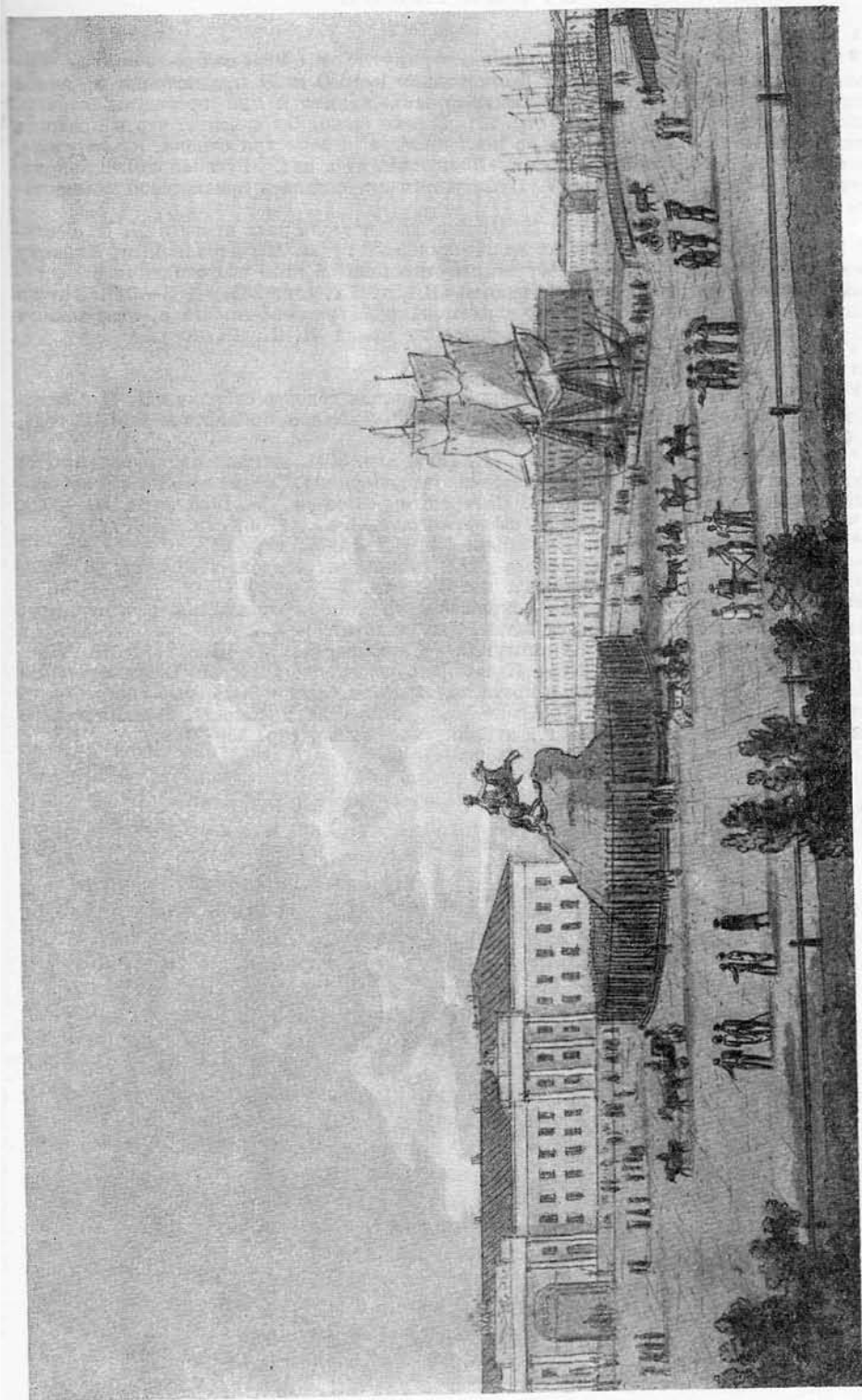
Всеми особенностями своей внешней и внутренней структуры, не говоря уже об ответственности и остроте своих революционных лозунгов, песня «Подгуляла я» тесно связана с циклом массовых агитационных песен, принадлежащих Рылееву и Бестужеву. Об этом свидетельствует и первая публикация этой песни в сборнике Герцена и Огарева «Русская потаенная литература», вышедшем в свет в Лондоне в 1861 г. В этом издании текст песни существенно отличается от той ее редакции, которая записана была по памяти М. И. Муравьевым-Апостолом в 1826 г. В лондонской публикации вовсе отсутствовал первый куплет песни, но зато она имела заголовок. Приводим этот первопечатный вариант песни полностью:

ПЕСНЯ К...СИ

Я свободы дочь,
Я со трона прочь
Императоров,
Я взбунтую полки,
Развяжу языки
У сенаторов ¹⁰.

В том же году, в котором эти стихи появились в сборнике «Русская потаенная литература», в другом издании Герцена и Огарева, а именно в «Полярной звезде» на 1861 г., были впервые напечатаны знаменитые воспоминания Н. А. Бестужева о Рылееве ¹¹. В этих мемуарах уделено было место и материалам о некоей г-же К., приметы которой позволяют нам предположительно расшифровать и загадочный заголовок «Песни К...ой» ¹². В самом деле, характеризуя «г-жу К.» (ей, видимо, посвящены стихотворения Рылеева «В альбом Т. С. К.», «Исполнились мои желанья», «Ты посетить, мой друг, желала»), Бестужев удостоверял, что все разговоры этой приятельницы Рылеева клонились к несчастьям России, к деспотизму правительства, к злоупотреблениям доверенных лиц, к надеждам на свободу народов и т. п. ¹³

Трудно думать, чтобы Герцен и Огарев могли получить в 1861 г. мемуары о «г-же К.» и запись песни, связанной, повидимому, с ее именем, из разных источников. Наиболее вероятно, что в основе обеих публикаций лежали материалы, полученные от родных декабриста Н. А. Бестужева. Его авторитетным свидетельством, а не случайным редакторским домыслом, объясняется и включение этих стихов в цикл нелегальных агитационных песен Рылеева и Бестужева.

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ
Акварель и тушь А. Е. Мартинова, 1810-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВД, т. IX, стр. 249—250.

² Там же, стр. 263. Стихи эти, густо зачеркнутые в «деле» каким-то особым чернильным составом, расшифрованы были только в 1950 г. В предисловии к новой публикации указано, что «ранее неизвестными» являются три последних строки, замыкающие песню (ВД, т. IX, стр. 18). Вернее было бы сказать, что в прежних публикациях песни отсутствовали не последние, а *первые* три строки, *начинающие*, а не *замыкающие* ее. Ср. текст песни «Подгуляла я» в изд. «Русская потасенная литература». Лондон, 1861, стр. 117. Публикация эта осталась неизвестной комментаторам ВД.

³ В подлиннике показаний С. И. Муравьева-Апостола дата приезда М. П. Бестужева-Рюмина глухо обозначена: «в конце прошлого года». Мы уточняем эту справку на основании других показаний Муравьева-Апостола об этом его свидании с Бестужевым-Рюминым после событий в Лещине (ВД, т. IX, стр. 235 и 189—190). Песню «Подгуляла я» Бестужев-Рюмин, по свидетельству Муравьева-Апостола, «дал также» штаб-ротмистру гусарского принца Оранского полка И. П. Жукову.

⁴ ВД, т. IX, стр. 19.

⁵ Бестужевы, стр. 414.

⁶ Сборник нелегальных стихотворений двадцатых годов в собрании П. П. Свинына, лл. 32 об. — 33 (ГПБ. — См. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1903 год», стр. 48).

⁷ Сочинения Е. А. Баратынского. М., 1869, стр. 394. Автором цитируемого нами рассказа был, вероятно, сын поэта, издатель этого сборника. Сводка данных о «свободолюбии» Баратынского сделана К. В. Пигаревым («Звенья», V, 1935, стр. 190—202).

⁸ Полн. собр. стихотворений Баратынского, т. I. Л., 1936, стр. LXXVII.

⁹ «Декабристы». Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 673.

¹⁰ «Русская потасенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 117.

¹¹ «Полярная звезда» на 1861 г., кн. VI, стр. 1—30.

¹² В. Н. Орлов, полагая, что сокращение «К...ой» не поддается расшифровке, выразил предположение, что «в печатный текст вкралась какая-то ошибка и что в данном случае имелась в виду Конституция» («Декабристы». М.—Л., 1951, стр. 638).

¹³ Бестужевы, стр. 21. — К истории увлечения Рыльева Теофанией Станиславовной К., в которой друзья поэта подозревали (может быть и не совсем основательно) шпионку, подсланную Аракчеевым, относится письмо П. Михайловского к Рылеву от 30 сентября 1824 г., публикуемое выше, стр. 159—160.